

СЕВЕРНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТЕ*

Аннотация. В статье предпринимается попытка этимологического анализа севернорусской лексики, которая трактовалась ранее как прибалтийско-финская по происхождению. Особый акцент в работе делается на широкий охват материала, включая данные восточнославянских языков. Отмечается важность учета различных направлений иноязычного воздействия. Рассматривается вероятность различных этимологий с учетом бытования в диалектном континууме и общенародном лексиконе.

Ключевые слова: этимология, украинский, белорусский, прибалтийско-финские языки, севернорусские говоры.

Маргинальные диалектные ареалы довольно часто сохраняют в лексической системе архаизмы, представляющие собой следы восточнославянского единства. Хотя вряд ли следует оспаривать мысль Ф. П. Филина, что «остается несомненным одно: лексико-семантические особенности русского и украинского языков стоят на языковом, а не диалектном уровне»¹. Анализируя возможное количество единиц праславянского фонда, он писал об их ареальной специфике: «Примеров древних лексических восточнославянизмов, обособляющих древнерусский (прарусский) язык от словарного состава других славянских языков, в ЭССЯ очень много. Еще больше праславянских слов, которые с древнерусской эпохи были диалектизмами внутри самой восточнославянской территории. Многие восточнославянские диалектизмы выходили за пре-

*Исследование проведено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 13-04-00166а «Лингвогеографическое описание лексики русских народных говоров на материалах “Лексического атласа русских народных говоров” и данных региональных словарей».

¹Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка / Под общ. ред. и с предисл. В. Я. Дерягина. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 159.

дела этой территории и имели причудливые изоглоссы в южных и западных славянских областях. Все это нуждается в подробном исследовании»².

В данной работе предпринимается попытка рассмотреть севернорусские лексические единицы, которые также отмечаются на украинской, белорусской почве, а также в русских говорах позднего заселения, в этимологическом аспекте. Источниками послужили восточнославянские диалектные лексикографические источники.

Анализируя совокупность единиц, имеющих севернорусские фиксации и украинско-белорусские соответствия, можно выделять различные аспекты такого сходства.

В первую очередь выявляются единицы, которые репрезентируют былое славянское единство, например русск. сев. лексема **вѣко** 'крышка плетеной емкости (корзины, короба, туса и т. п.), деревянная или плетеная', отмеченная в Вельском, Вилегодском, Ленском, Лешуконском, Устьянском, Холмогорском районах Архангельской области и Бабушкинском, Великоустюгском, Нюксенском, Тарногском, Тотемском районах Вологодской (СГРС, 1), при имеющихся и других диалектных севернорусских материалах, например: **вѣко** 'крышка туса или лукошка' Арх. (Подвысоцкий). Имеются следующие славянские соответствия: укр. **віко** 'крышка сундука, квашни, бадьи, гроба и пр.' (Гринченко, 1: 237), словен. **véka** ж. 'крышка, веко', чеш. **víko** 'крышка', при литов. **vóka** 'крышка', латыш. **vâks** 'крышка' (Фасмер, 1: 286). А. К. Матвеев предполагает, что русск. сев. **рѣпало** 'крышка пестеря, кузова' (Матвеев, 1995: 32) имеет такую же семантическую основу для крышки пестеря (Матвеев, 1995: 32), полагая, что для последней может иметь место конкретный прибалтийско-финский словарный источник, однако ближайшие аналогии в современных прибалтийско-финских языках обнаружить не удалось (Матвеев, 1995: 32). Ср., однако, **рѣпало** 'тот, кто часто моргает глазами'

²Там же. С. 42.

Холмог. Арх., 1907 (СРНГ, 35: 104), связанное с фин. *girata*, вепс. *giritada* 'моргать' (SKES: 805).

В ряде случаев севернорусское слово при тождественной семантике на восточнославянской почве имеет вариативную форму, например *кука-бака* 'одуванчик' Вожегод. Волог. (СРНГ, 16: 31), при укр. *кульбаба* 'растение одуванчик' (Гринченко, 2: 323). Вряд ли следует севернорусские данные сопоставлять с коми *кукабак*, *кукобака* 'трутовик, березовая губка' (ССКЗД: 272), также как и сопоставлять это слово с русск. диал. *куколь*, которое фиксируется для различных наименований растений, ср., например: *куколь* 'клевер' Пошех.-Волод., Молог. Ярослав., 1849. Новг. (СРНГ, 16: 42). Однако, исходя из тождества семантики, более вероятно рассматривать севернорусское *кука-бака* как преобразование русск. *кульбаба* 'одуванчик' Кубан. (Ст. Удобная), Дон. (Миртов, 1929). *Кульбаба* 'растение *Senecio vulgaris* L., сем. сложноцветных; крестовник обыкновенный. Екатеринослав. (Анненков). 'Растение *Leontodon Taraxacum*, сем. сложноцветных; одуванчик' Южн. (Даль), которое может иметь связь с тюркскими данными, ср. казах. *бақбақ* 'одуванчик' (Бектаев, КРС: 84). В. Б. Колосова, однако, полагает, что «свойство стеблей одуванчика сворачиваться, будучи расщепленными, отражено в фитонимах *кульбаба* (Ср. Приобье), белорусск. *кульбаба*, укр. *кульбаба*, *кульбака*: «як задерти бадилля, то кулится» (Анненков, 1876: 350; Колосова, 2009: 190).

В ряде случаев русское диалектное слово имеет широкую ареальную дистрибуцию, при маргинальной украинской, причем, вероятно, связанной с русским же влиянием. Ср. русск. диал. *мо́ршни* 'грубая рабочая обувь из сыромятной кожи' Сольвыч., Никол., Ярен., Великоуст. Волог., 1841. Волог., Сев.-Двин., Арх., Забавная., Нерч. Иркут., Бурят. АССР, Читин., Амур. (СРНГ, 18: 281); при укр. *моршень* 'башмак, сделанный из цельного куска кожи' Сумский уезд (Гринченко, 2: 446).

Одно из наименований обуви фиксируется в украинском, белорусском и русском языках, при том, что оно является прибалтийско-финским заимствованием. Ср.: укр. *Кендя*, -ді, ж. Чаще во

мн. ч. **кѣнді**, -дів. 1) Валенки, валеные калоши. 2) В насмешку так называют большие сапоги (Гринченко, 2: 235). Авторы ЭСУМ, при белорусск. **ке'ньги** 'теплі калоші', укр. **кенді**, **кінді**, в том же значении, что и в словаре Гринченко, рассматривают как заимствование из русского языка, при прибалтийско-финских источниках русской единицы (ЕСУМ, 2: 423). Ср. также: *Надів на ноги кинді нові і рукавици взяв шкапові* (И. П. Котляревский. Энеида).

Следует отметить, что в русском языке соответствующее слово в XVIII веке было представлено в общенародном лексиконе, ср.: **Кѣньга**, употребительнее во множ. **Кѣньги** «зимняя из телячьей или оленьей кожи с шерстью обувь, которая и внутри подпущена мехом или байкою, похожая на коты и надеваемая для тепла сверх башмаков и сапогов»: *Купить кеньги. Надеть кеньги* (САР 1, 3: 507). В XIX веке слово также еще отмечается как единица широкого распространения: **кѣньга** «зимняя обувь, подшитая внутри мехом или байкою, и надеваемая сверх башмаков или сапогов» (Слов. Акад., 1847, 2: 170). Ср. также данные В. И. Даля: **Кѣнги** «калоши, головка с подошвами сверх сапог; теплая обувь, валенная, меховая или кожаная с теплым подбоем, но без голенищ» (Даль, 2: 105). Традиция подачи этого слова продолжается в БАС, однако в XX веке слово уже имеет диалектную помету: **Кѣньги**, мн. (ед. **кеньга**, ж.). Обл. Особая зимняя обувь, подшитая внутри мехом или байкой и надеваемая сверх башмаков или сапог. // Сапоги из оленьих шкур, сшитые шерстью наружу (БАС, 5: 925).

Об общерусском характере распространения слова в XIX веке свидетельствует его широкое представительство в литературных источниках того времени:

Зимой путники и часовые поверх сапог или валенок надевали кеньги — высокие, выше щиколоток, кожаные, меховые или валяные галоши. В сырую непогоду в XIX в. стали носить низкие галоши, сначала кожаные, с конца XIX в. — резиновые. (Л. В. Беловинский История русской материальной культуры)

Как бы мне dokonать этого долгохвостого хахаля и сделать из шкуры его детям тулупы и кеньги. (В. А. Жуковский. Письма к А. С. Пушкину)

Тут барин подоспел домой из бульвара, Снял кеньгу мокрую, снял мокрый сапожек. А ножку? — нет ее он поберег. И высушил, согрев водой из самовара. (П. А. Вяземский. Кеньга, сапог и нога)

На ногах натянуты были белые кеньги, а на туловище мохнатый ергак с шерстью снаружи придавал Василию Ивановичу красоту гомерическую. (В. А. Соллогуб. Тарантас. Путевые впечатления)

А я плюнул ему в эти кеньги и сказал: — Ну, так вот, скажи же своему королю, что я ему в калоши плюнул. (Н. С. Лесков. Смех и горе)

Жид купил мне поношенный тулуп, шапку и кеньги; Рифка дала на дорогу целую связку баранок. (Ф. В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин).

Вероятно, достаточно широкое распространение этого слова связано с внедрением реалии им обозначаемой в военный обиход.

Образовалось отверстие, голова в него проходила свободно. Вспомнил он, как хлопали по грязи кеньги часового, удалялся влево отблеск штыка. (В. А. Гиляровский. Беглый)

Калош тогда и в помине не было, а если бы военный человек надел кеньги, или что-нибудь подобное — его осмеяли бы. (В. В. Крестовский. Уланы Цесаревича Константина)

Гренадеры, подторкнув полы шинелей под патронные ремни, с чавкающим звуком вытягивали из грязи чудовищные кеньги, облепленные глиной. (И. Лукаш. Пожар Москвы)

В этой связи следует отдельно рассматривать источники, относящиеся непосредственно к описанию материальной культуры Севера, которые представлены в этнографических исследованиях и путевых записках.

Для езды в гости сбрую на оленей держат унизанную бисером и ушитую маленькими лоскутками разных цветных сукон. Обувь свою или кеньги по сторонам так же унижают бисером; ноги обвертывают сукном, которое плотно и гладко увивают шерстяными крашеными оборами или поясами. Когда же к лопарю придет гость. (Н. Я. Озерецковский. Описание Колы и Астрахани)

*Летом норвежский терский лопарь надевает юпу — та же ма-
лица, только из серого сукна, с нашитыми на ней яркими сукон-
ными лоскутками, — шерстяной колпак и кеньги.* (В. И. Немиро-
вич-Данченко. Лопари)

Весьма обширные фиксации слова **кеньги** имеются в русских
говорах, причем все они дифференцируются этимологически.

Выделяются материалы, которые соотносятся со смежными
прибалтийско-финскими языками (диалектами). Так, например,
имеются данные влияния тверского диалекта карельского языка:
Кёнги ‘плетеная обувь из веревок’: — *Кенги плели из верёвок, оне
наподобие лаптей. Кенги из верёвки, чуни, у кеног пряменький но-
сочек и низ из верёвок.* Борович. (НОС, 4: 38). Ср. кар. твер. kengä
‘обувь, обувка (чаще об изношенной обуви)’ (СКЯП: 94).

Сугубо севернорусские данные соотносятся с прибалтийско-
финскими этимонами.

Кёньги ‘сапоги’ Олон. (Куликовский). «На языке русских сло-
во кеньги означает большие неуклюжие сапоги, сшитые из белой
кожи, худо смазанные дегтем. Кореляки же называют кеньгат вся-
кую кожаную обувь» Олон. (Лесков; КСРНГ). **Кеньги́** ‘сапоги с за-
гнутыми кверху носками из грубой кожи, предназначенные для
рыбной ловли’ Кандалакш. (СРГК, 2: 340). ‘Зимняя обувь из ме-
ха или войлока’ Кондоп., Кандалакш. (СРГК, 2: 340). ‘Войлочные
тапочки’ Подпорож. (СРГК, 2: 340). **Кёньги-упаки** ‘сапоги из оле-
ньей шкуры мехом внутрь с загнутыми кверху носками’: *Так ещё
звали: — Ке’ньги-у’паки одева’й. Не знаю ф шутку или как кень-
ги-упаки назывались. Ребяти’шкам шы’ли, укра’сят и верх тако’й
за’гнутый.* Беломор. (Княжая Губа) (ПЛГО).

Причем данные коми языка вряд ли следует трактовать как
ненецкое заимствование, как это делается в КЭСКЯ, ср. коми
ижем. кольск. теньгей ‘пимы для детей’ (ССКЗД: 367), при ненец.
t’eŋkdei p’iββα ‘то же’ (КЭСКЯ: 279). На наш взгляд, направление
заимствования может быть следующим: прибалтийско-фин. >
русск. диал. > коми > ненец. Причем вариативность [k] / [t] пе-
ред гласными переднего ряда весьма характерны и для русских
говоров: **Тёньки** ‘легкая обувь из кожи, без каблуков и без задни-

ков; теньки привязывались к ноге шнурками или тесёмками»: — *На сенокос всей семье шили теньки*. Любим. Ярослав. (ЯОС). **Тѣньги** «теплые короткие сапоги» Перм. (Даль, 4: 408). **Тѣньги** «зимняя обувь из войлока или меха; кожаная обувь без голенищ с меховой подкладкой» Нижегород. (Kalima, 1915: 111). **Тѣньги, теньгири́** «зимняя обувь из кошмы в виде галош, одеваемая на сапоги» Р. Урал (Малеча). «Легкая обувь без каблучков из овчины мехом внутри» Р. Урал (Малеча).

Уральские и сибирские данные трудно трактовать как-то однозначно, возможно, что их распространение обусловлено распространением реалии в казачьих войсках, например: **Кѣньги** «меховые галоши, надеваемые часовыми и арестантами сверх сапог и бродней» Сиб., Дубке, 1893 (СРНГ, 13: 181). **Кѣньги** «сапоги из оленьих шкур» Урал, 1930 (СРНГ, 13: 182). **Кѣньги** «Сапоги из оленьих шкур, сшитые шерстью наружу» Перм., 1848 (СРНГ, 13: 182). **Кенги** «оленьи хребтовые сапоги» Перм. (Даль, 2: 105).

Донские данные совершенно очевидно фонетически соотносятся с украинскими: **Кѣнди** «род галош из валенной шерсти» Дон. (Калмыков, 1897; СРНГ, 13: 181). «Валенки с отрезанными голенищами» Дон. (Миртов, 1929; СРНГ, 13: 181), при укр. **кенді́** «зимние чулки», «большие сапоги» (Фасмер, 2: 223).

В этимологическом плане севернорусское **кеньги** имеет давнюю традицию исследования, которая относит эти материалы к карельско-вепским источникам: Kalima, 1915: 111; Веске, 1890: 89; Лесков, 1892: 99; Погодин, 1904: 29; Фасмер, 2: 223; Аникин, 1997: 294. Ср. также: кар. *kengä* «обувь, сапоги» (KKS, 2: 127), кар. твер. *kengä* «обувь, обувка (чаще об изношенной обуви)» (СКЯП: 94), ливв. *kengu* «сапог, обувь» (СКЯМ: 132), при вепс. *keng'ad* «обувь (любая)» (СВЯ: 194), люд. *keng* «сапог», фин. *kenkä* «обувь», водск. *tšentša* «обувь» (SKES: 181). Из ливск. *käänga* «обувь» было заимствовано в латыш. *k'eng'e* «вид обуви», а из фин. в современный шведский — *käng* «обувь» (SKES: 181).

Изолированный анализ происхождения севернорусской лексики нередко приводил и приводит к не вполне оправданной уникализации севернорусских данных, тогда как рассмотрение их

этимологии на широком фоне дает возможность дифференцировать как будто однородный материал на гетерогенные гнезда. Еще один пример подобного рода:

Ла́ты ‘деревянный настил в чуме’ Печор. (СРГНП, 1: 376), «деревянные доски, которыми огораживают раскладываемый среди самоедского чума огонь» Мезен. (Подвысоцкий: 81); **ла́ты** ‘пол в чуме’, ‘дощатый стол для разделки рыбы’ Мезен. (Матвеев, 1996: 74). Вероятно, приводимые материалы восходят к коми ижем. лата ‘доски, настилаемые в чуме вместо пола’ (ССКЗД: 194), причем коми данные прибалтийско-финского происхождения, ср. фин. *lattia*, ливв. *lat'e*, люд. *lat't'i* ‘пол (в помещении)’, которые в свою очередь из древнегерманских источников, ср. др.-норв. *flet*, pl. *fletja* ‘земляной пол’, англосакс. *flett* ‘пол’, при том, что саамские данные — из финского языка, ср. саам. швед. *latte*, лулск. *làhtté*, саам. норв. *lat'te*, инар. *lätt'é* ‘пол’ (SKES: 280). Причем авторы SKES семантически сходные данные, ср. фин., ливв. *lawdu* ‘доска, тес’ (СКЯМ: 180), — рассматривают на прибалтийско-финской почве (SKES: 283). Следует отметить, что ненец. лата ‘доска; пол (в чуме)’ (Терещенко: 178), вероятно, является коми заимствованием. А. К. Матвеев приводит только ненецкие сопоставления (Матвеев, 1996: 74).

Также прибалтийско-финское происхождение имеет лексема **ла́та** ‘поперечная жердь в изгороди’, зафиксированная в Причудье (Мехикоорма) (Мюркхейн, 1973: 3). Однако она возводится к смежным эстонским источникам, ср. эст. *latt* ‘жердь, шест’ (Мюркхейн, 1973: 3). Кроме того, на общевосточнославянском фоне имеются обширные данные, которые следует уже рассматривать в контексте германо-славянских контактов: **ла́га** ‘поперечная жердь в изгороди’ Кубан. (Бесстрашная, Калиболотская) (РГК), **ла́тка** ‘доска, переброшенная через речку, ручей’ Кубан. (Ахметовская) (РГК), **ла́ты** ‘специальные доски для крыши (вероятно, для стропил — С. М.)’ Кубан. (Воздвиженская) (РГК), **ла́га** ‘длинная толстая жердь’ Курганин., Динск., Мостов. Краснодар. (Борисова, 2005: 140), **ла́га** ‘деревянная жердь’: — *Мы называли извяски, а тут, большы лата называютъ*. Казаки-некрасов-

цы (Грязнова), *ла́га* ‘решетник’: — *На стропилы латы пришиваются, а потом накладывают крышу саломой или чаканам.* Дон. (БТСДК). При укр. *ла́га* ‘длинная жердь или доска, которую кладут поперек стропил’, белорусск. *ла́га, ла́ты, ла́тэ* ‘жерди, на которые настиляется крыша’, ‘жердь, которой прижимают солому на крыше’, при ст.-белорусск. *лата, латва* ‘то же’ (XVI в.). Причем, белорусские данные рассматриваются как заимствование из ст.-польск. *lata*, восходящее к германским источникам так же как и эстонское слово: ср.-верх. нем. *Latte, late* ‘планка, рейка, дранка’ (ЭСБМ, 5: 249; ЕСУМ, 3: 199). Таким образом, данные печорских говоров на уровне конечного источника можно представить следующим образом: герм. > прибалтийско-фин. > коми > русск. диал.

Имеется ряд широко распространенных данных, относящихся к рыболовецкой терминологии, которые отмечаются в севернорусских кубанских говорах, донских говорах и представлены в украинском и белорусском языках: *балбе́ра* ‘поплавок у невода, трала’ Мезен., Примор., Вашк. *Вверху поплавки, березовой поплавок балбера называется, внизу кибас.* Мезень. *Балберы из красного дерева делаются.* Мезен. *Балберы есь металлические, есь стеклянные.* Примор. *Балбе́рка* ‘то же’ Мезен., Примор. *Балберки на верхней тетивы у больших неводов.* Мезен. (СГРС, 1). *Балбе́ра* ‘поплавок рыболовной снасти’ Терск. (Меркурьев, 1979: 20); *балбе́ра* ‘поплавок из коры дерева или из пенопласта’ Терск., Севмор. (СРГК, 1: 35); *балби́р* ‘то же’ Кандалакш. (СРГК, 1: 35). Причем первая фиксация по СРНГ относится к Терскому казачьему войску: *балбе́ра* ‘кора дерева (обычно тополя, ивы, осины); поплавок из нее для рыболовных снарядов’ Терек., 1907. Колпаш., Верхнекет. Том. (СРНГ, 2: 77–78); *балбе́рка* ‘поплавок из древесной коры, привязываемый к рыболовной сети’ Астрах., 1840. Волж., Вят., Обь-Енисейск. водн. бассейн, Том., Ульч. Хабар. (СРНГ, 2: 78). Сходные данные отмечаются в других казачьих говорах: *балбе́рка* ‘поплавок’ Юго-вост. Кубан., *балбе́ра* ‘поплавки у невода’: — *Правильно балбе́ра, а мы называем чинбура́.* Дон. (Миртов). *Балбе́р* ‘поплавок’, *балбе́ра, барбе́ла, балбе́рка, барбе́лка* ‘поплавок из де-

рева, коры, прикрепляемый к верхней подворе сети или невода, чтоб они не утонули' Р. Урал. (Малеча). Бурнашев отмечает **балберочные снасти** у волжан (низовых) и каспийских рыбаков (Бурнашев). Следует подчеркнуть, что анализируемые данные отмечались в словарях русского языка с XVIII века, хотя фиксировалась их региональная специфика: **балбёрка, бабáшка** «поплавок, сделанный из древесной коры, прикрепляемой к удам на самоловах, или к называемой так шашковой снасти, употребляемой на Волге и в Сибири рыбаками» (САР 2); **балбёрка, бабáшка** «обл. поплавок из древесной коры, прикрепляемый к удам а самоловах, употребляемых на Волге и в Сибири» (Слов. Акад., 1847); **балбёра, балбёрка** 'бабашка, шашка,' поплавок из дерева или коры на неводах и переметах' (Слов. Акад., 1895); **балберочная снасть** 'перемет с крючьями, с удочками без наживы для ловли красной рыбы' (Слов. Акад., 1895).

В отношении этих данных высказывались различные версии — как о заимствованном, так и об исконном характере их происхождения. Исходя из широкого распространения вряд ли следует сопоставлять севернорусские материалы с прибалтийско-финскими данными, ср. фин. *rola* 'поплавок или палка, на месте где поставлена крючковая рыболовная снасть, верша или сетка,' 'рыболовная снасть, с леской и плавающим бум,' 'удочка на щуку,' которое рассматривается как саамское заимствование (SKES: 594). Также вряд ли возможно несмотря на сходство формы и семантики сопоставлять с лексемой **балдák** 'большой стакан, кубок' (Слов. Акад., 1895: 102), при **набалдáшник** 'толстый конец, головка трости' из ***набалдачник**, тюркского происхождения, ср.: татар., казах., турец. *baldak* 'гладкое кольцо без камня,' 'эфес сабли; шар; головка на сабельной рукояти,' чагат. *baldak* 'то же' (Радлов, 4: 1503; Фасмер, 1: 114). Отмечаются сходные данные в украинском языке: укр. **балбёра, балбёра** «род рыболовного снаряда: ряд крючков на веревке с поплавками» Черномор.; **балбёрка** «поплавок в рыболовных сетях» Черномор. (Гринченко, 1: 24). Причем в ЕСУМ украинские данные наряду с русскими трактуются как заимствование из итал. *barbaia* 'большая ры-

боловная сеть', с мотивацией на итальянской почве, связанной с названием рыбы, которую ловят такой сетью (ЕСУМ, 1: 125). Эту версию А. Е. Аникин рассматривает как неприемлемую, при румын. *bulber* 'поплавок самоловной снасти' из русского (Аникин, 2: 131–132). На почве белорусского языка, ср. белорусск. *балберка* 'поплавок', трактуется как слово темного происхождения, хотя и высказывается предположение о его исконной основе **балаб-*, **балб-* 'что-либо круглое, кругляшок' (ЭСБМ, 1: 290).

В ряде случаев диалектная севернорусская лексика прибалтийско-финского происхождения, представленная сходными вариантами на восточнославянской почве, выходит за пределы диалектного континуума и функционирует как терминологическая единица. Рассмотрим в этой связи лексемы *ка́рты* и *ка́рда*. Только севернорусскую локализацию имеет следующая лексема:

Ка́рты 'парные дощечки с ручками, с множеством проволочных зубьев для чесания шерсти' Беломор. (Сумский Посад) (ПЛГО). **Карта** «щетка для чесания шерсти» Северомор., Терск., Кандалакш., Медвежьегор., Кондоп., Пудож., Подпорож., Кирил., Вытегор. (СРГК, 2: 329). **Карты́** 'чесалка' Кандалакш. Мурман. (Меркурьев, 1979: 63). «Доска с железными шпиньками для расчесывания овечьей шерсти». Пинеж., Мезен., Арх. (Подвысоцкий). «Проволочная щетка для расчесывания овечьей шерсти» Мурман., Медвежьегор. КАССР, Арх. (СРНГ, 13: 98).

Данный материал восходит к карельским источникам, ср. кар. *kartta*, люд. *kartte* 'чесалка' (SKES: 166), ливв. *karti* 'одна из щеток для расчесывания шерсти' (СКЯМ: 126), кар. сев. *kartta* 'чесалка' (KKS, 2: 79); причем прибалтийско-финское гнездо в свою очередь было заимствовано из скандинавских языков, ср. швед. *karda*, датск. *karde*, *karte*, куда через немецкое посредство, ср. средн.-нижненем. *karde* 'чесалка' (SKES: 166). Однако имеется сходный вариант, который представлен в общенародном лексиконе. Вероятно, единица, зафиксированная в БАС, напрямую восходит к германским источникам, ср. нем. *karde*: **Карда**, -ы, ж. Спец. 1. Стальная щетка для расчесывания волокна, хлопка, шерсти; игольчатая лента. 2. В льняном производстве — то же, что

чесальная машина (БАС, 5: 813). Причем это слово во французском языке известно с XIII в., как заимствование из провансальского, ср. франц. *carde*, прованс. *carda* (DELFL: 142). На наш взгляд, следует разграничивать диалектное слово **карты** и единицу одной из терминологических система русского языка — **карда** (варианты **карта**, **кард**) ‘щетка из репейных шишек или проволоки для чесания хлопка и шерсти и начесывания ворса’ (СРЯ XVIII, 2: 256), возводимое авторами к немецкому или голландскому источникам, при современном: **карда** — «кардная лента — лента из кожи или многослойной прорезиненной ткани, усаженная стальными согнутыми под углом иглами; примен. в чесальных (кардных) машинах», заимствованное из франц. *carde* ‘шерсточесалка’ (СИС, 1989: 221). Преображенский слову **карда** ‘ворсильная щетка’ дает немецкую этимологию, нем. *karde* (Преображенский: 298), Фасмер не исключает и польское посредство, ср. польск. *karda* (Фасмер, 2: 196).

Имеются также сходные украинские данные, ср. укр.: **Карда** ‘железная щетка, которою расчесывают шерсть или лён’ (Гринченко, 2: 221). Авторы ЭСУМ предполагают заимствование из немецкого языка через польское посредство (ЕСУМ, 2: 389). Спорадически фиксируется севернорусская единица: **Кáрды** ‘щетки для чесания шерсти и льна’: — *Кардами лён чешут: на руку намотают, расчешут, потом перевернут, а шерсть двумя кардами чешут*. Чагодош. (Приворот) (СГРС). Поскольку лексема **кáрда** является принадлежностью одной из терминологических систем, то при заимствовании в русские говоры из этого источника, мы должны иметь интердиалектную единицу со спорадическими фиксациями на всем общерусском пространстве без ареальных ограничений. Совершенно очевидно, что ареальная дистрибуция лексемы **кáрты**, очерченная территорией Мурманской, Архангельской, Вологодской областей и Республики Каре-

лии (контактной зоной), явно указывает на этимологическое различие внешне сходных вариантов *карда* / *карты*³.

Таким образом, основой для эвристического исследования в сфере этимологии может быть только полная совокупность данных: варианты формы слова, полный семантический объем гнезда, ареальная привязка анализируемых данных. При этом следует учитывать, что семантика номинативной единицы обычно гораздо устойчивее ее звуковой реализации.

Сокращения

- Аникин — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Выпуск 2. Б–Бдынь. М., 2008. 336 с.
- Анненков — *Анненков Н. И.* Ботанический словарь. СПб., 1878.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти тт. М.; Л., 1948–1965.
- Бектаев, КРС — *Бектаев Калдыбай.* Казахско-русский и русско-казахский словарь. Алма-Ата, 1995. 703 с.
- Борисова — *Борисова О. Г.* Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар, 2005. 252 с.
- БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества. Ростов н/Д., М.: 2003. 608 с.
- Бурнашев — *Бурнашев В.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Тт. 1–2. СПб., 1843–1844.
- Веске — *Веске М. П.* Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1890. Т. VIII. Вып. 1. 303 с.
- Герасимов — *Герасимов М. К.* Словарь уездного Череповецкого говора // Сб. ОРЯС, т. 87, № 3, 1910. С. 1–111.
- Гринченко — *Грінченко Б. Д.* Словарь української мови. Тт. I–IV. Киев, 1907–1909.

³О соотношении этих данных с лексемой *карзы* см.: *Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004. С. 199.

- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Тт. 1–4. М.–СПб., 1880–1882.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Тт. 1–6. Київ, 1982–2012.
- Колосова — *Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: «Индрик», 2009. 352 с.
- КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров. Словарный отдел Института лингвистических исследований РАН.
- Куликовский — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- КЭСЛЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Лесков — *Лесков Н. Ф.* О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // Живая старина, 1892, № 4, С. 97–103.
- Малеча — *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Тт. 1–4. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002–2003.
- Матвеев, 1995 — *Матвеев А. К.* Аппелятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // Вопросы языкознания, 1995, № 2. С. 29–42.
- Матвеев, 1996 — *Матвеев А. К.* Новые данные о ненецких заимствованиях в севернорусских говорах // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1996. Вып. 6. С. 72–79.
- Меркурьев — *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. 184 с.
- Миртов — *Миртов А. В.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929. 415 с.
- Мюркхейн — *Мюркхейн В.* Эстонские лексические заимствования в одном из русских говоров Эстонской ССР // Советское финно-угроведение, 1973, т. IX, № 1. С. 1–9.
- НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.
- Носович — *Носович И. И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование автора.
- Погодин — *Погодин А. Л.* Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия, 1904, № 4. С. 1–72.
- Подвысоцкий — *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

- Преображенский — *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914.
- Радлов — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб., 1899–1911.
- РГК — Русский говор Кубани (словарь). Под ред. доц. Е. П. Шейниной, доц. Е. Ф. Тарасенковой. Авторский коллектив: Шейнина Е. П., Тарасенкова Е. Ф., Флоровская В. А., Кузнецова Р. Д., Скорлуповская Е. В., Шабалин М. Н. Краснодар, 1991 (Рукопись).
- САР 1 — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. Тт. 1–6. СПб., 1789–1794.
- САР 2 — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Тт. 1–6. СПб., 1806–1822.
- СВЯ — Словарь вепсского языка. Сост. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Л., 1972.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–6 / Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001–2014.
- СИС — Словарь иностранных слов. М., 1989. 621 с.
- СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск. 1990. 495 с.
- СКЯП — Словарь карельского языка (тверские говоры). Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с.
- Слов. Акад., 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Тт. I–IV. СПб., 1847.
- Слов. Акад., 1895 — Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Т. 1–41 и в выпусках / Ред. Я. К. Грот., А. А. Шахматов. СПб.; Пг.; Л., 1891–1929.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Тт. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. Т. 1–2. СПб., 2003–2005.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–20 / Ред. Ю. С. Сорокин, З. М. Петрова и др. Л.; СПб., 1984–2013.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961. 489 с.
- СУМ — Словник української мови. Тт. 1–11. Київ, 1970–1980.
- Терещенко — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Тт. 1–4. М., 1964–1973.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік баларускай мовы. Тт. 1–11. Мінск, 1978–2006.

ЯОС — Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

DELFL — Dictionnaire étymologique de la langue française. Dauzat A. Paris, 1938. 824 P.

Kalima — *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–5. Helsinki, 1968–1997.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

S. Myznikov. **Northern Russian Lexicon in the East Slavic Context**

The paper attempts to etymological analysis of the North Russian language, which was interpreted earlier as Baltic-Finnish origin. Particular emphasis is placed on the wide coverage of the material, including the data of East Slavic languages. It noted the importance of integrating the various areas of foreign language exposure. We consider the probability of various etymologies given existence in dialect continuum, and nation-wide vocabulary.

Keywords: etymology, Ukrainian, Belarusian, Baltic-Finnish languages, Northern Russian dialects.